

● ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

«Мы родимых своих
не забудем...»

ЛЮБОВЬ КАЛАШНИКОВА родилась 26 марта 1944 года в селе Славянек Донецкой области. Наверное, поэтому стихи ее наполнены памятью военной поры матери и отца, который не вернулся с фронта, своими воспоминаниями голодного детства. Стихи чисты и искренни. В 1961 году Любовь Калашникова приехала в Магнитогорск и стала работать штукатуром-маляром в тресте «Магнитострой». Одновременно окончила вечернюю школу и строительный техникум. В молодости увлекалась спортом и даже выступала во всесоюзных соревнованиях по стрельбе. А лучше всего автора как человека и как поэта характеризуют ее же собственные слова: «Я всегда с людьми, я всегда счастлива».

ЛЮБОВЬ КАЛАШНИКОВА

Память сердца

*Родились мы в тревожные годы,
Годы трудные нашей страны.
На себе испытали невзгоды
Этой самой Великой войны.*

*И отцы, что домой не вернулись,
Не дошли до победной весны,
К нам осколками ран дотянулись,
И сердца наши болью полны.*

*Словно память родимых и близких
Перед нами встает во весь рост,
Поднялись на Земле обелиски,
Загляделись на россыпи звезд.*

*Мы родимых своих не забудем,
«Похоронки» — как чувство вины.
Мы зачатки особенной люди—
Дети самой Великой войны.*

Земля и война

*Земля вопила и дрожала
Горела плоть Земли в огне.
Земля по-своему рождала
Своих героев на войне.*

*И принимала их в объятья,
И прижимала к сердцу близко,
И каждому дарила платье
Из трав, цветов и обелисков...*

Зимний этюд

*Озябло солнце зимнее,
Прижалось к теплой крыше.
Мороз пушистым инеем
На деревья дышит.*

*Сизокрылым облачком
Чуть дымок клубится,
Ползает на корточках,
А привстать боится...*

Сон

*Так коротки минуты счастья!
Но я проснулась. Кончен сон.
На улице весна, ненастье,
О чем-то шепчет старый клен...*

*И с той поры, как сон случился,
Тебя ищу, тебя зову.
Я так хочу, чтоб ты явился,
Но не во сне, а наяву.*

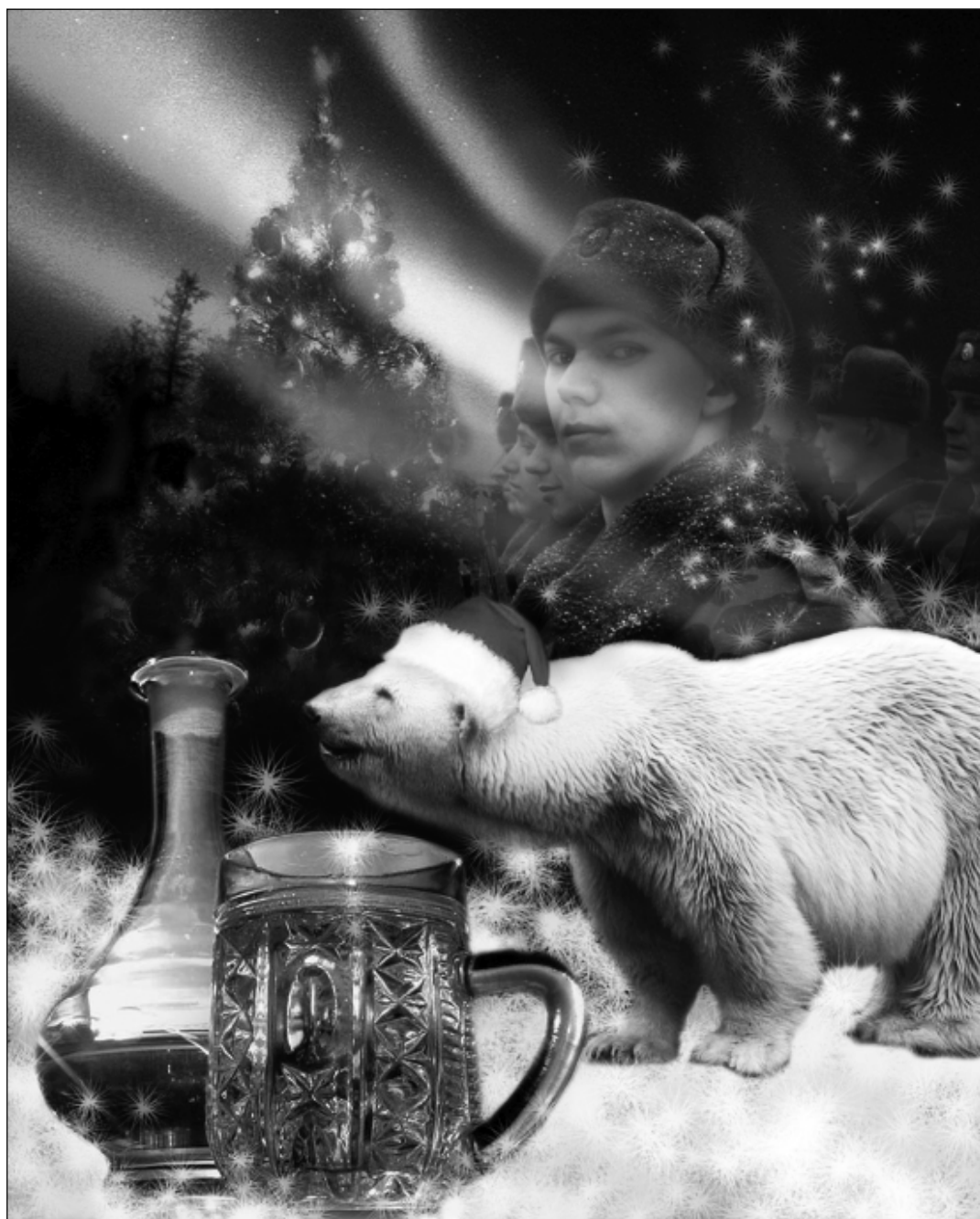
Сказал мне парень

*Все было просто между нами.
И парень на излете дня,
Взмахнув, как крыльями, руками,
Сказал мне: «Полюби меня!»*

*Меня он крайне озоршил
Своим доверием ко мне,
А парень был такой хороший
И чувства — искренни вполне.*

*Мир стал значительней и строже,
И цех рабочий стал важней,
А я — на много лет моложе
И в жизни чуточку нужней...*

По случаю праздника не спалось,
и свидетелями редкого шатрового северного сияния
оказались многие

СОЛДАТСКАЯ
НАХОДЧИВОСТЬ

КОЛАЖ ОЛЬГИ ГАВРИЛОВОЙ

МНЕ, ОФИЦЕРУ, запомнилась встреча Нового года в Заполярье на берегу Ледовитого океана с повязкой дежурного на рукаве.

Солдатики, люди исключительно разные, зачастую очень даже находчивые. В общем-то, это очень хорошо, особенно если направлено не на разрушение, а в русло созидания и радости. Но ведь бывает, что нашему человеку, даже очень юному, праздник не в праздник, радость не в радость без возлияния. И вот придумали как-то наши подопечные очередную каверзу, как обвести вокруг пальца своих начальников, «отцов родных».

В курилке казармы всегда стоял бачок с кипяченой питьевой водой. Часто в нем был холодный чай. На крышке всегда стояла обычная солдатская кружка для общего пользования, прикрепленная к ручке бачка тросиком. Чтобы никто не унес далеко.

И вот при подготовке к празднику в канцелярии роты и в других местах, где чаще всего появлялось начальство, возникли чистенькие графины и стаканы на блюдцах. Культура — куда там! Ну, думают юные изобретатели, теперь мы их проведем, и втиха-

ря залили в свой обшарпанный бачок с обшей, не первой свежести кружкой, вино. Как уж они договорились регулировать равномерное потребление, не берусь сказать, может, наблюдателя посадили, но поначалу все у них получилось.

Правда, командиры тоже не лыком шиты, почувствовали неладное сразу с появлением этих графинов, стали их проверять, не демонстрируя своего недоверия. А графинов расплодилось невероятное количество, во всех углах. Ну, решили начальники, в каких-то — чай, вода, а в каких-то и — спиртное. Стали пробовать. Ничего. Ни в спальном отсеке, ни в ланкомате, ни в спортзале, ни в бытовке — спиртного нигде. Везде только водичка и чаек.

А народ веселый и с каждым часом все веселее. И такая любовь к командирам! Неспроста! Стали проверять конфеты, может, начинка сплошь во всех ликерная? Наконец нашли и под общий хохот опрокинули в мойку этот злосчастный бачок, мимо которого весь день ходили, с жалкими остатками портвейна.

Все были довольны: одни тем, что удалось угоститься вдоволь, другие, что нашли источник, «предупредили» безобразие.

Уложили спать, поздравив народ с Новым годом, и около часа ночи вышли подышать свежим воздухом из жарко натопленной, уютной, пропахшей праздником и портянками казармы. В небе мерцало надоедливое северное сияние, предвещая морозную погоду, на соседней улице слышался праздничный шум. Зашли офицеры за угол посмотреть, кто так шумно празднует: офицерские семейные компании или полярники, жившие на другом конце Полярной улицы?

Смотрят — там хоровод. Вырядились, кто во что. Присутствовали и Деды Морозы, и Снегурочки, и Лисички, и бог весть кто еще. Но выделялся не крупный белый медведь, угрожающе рыскавший промжмж народа. От него отскакивали, громко хохоча. Присмотревшись, распознали в звере настоящего хозяина Севера. Это был годовалый медвежонок, а не взрослый медведь, достигающий трех метров в длину и полутора в высоту, весом до тонны. Но опасность оставалась: не один он, этот Умка, тут бродит, где-то поблизости должна быть и мать. Вдруг из соседнего переулка вывалился еще один хоровод с таким же мохнатым молодцом.

К нашему счастью, мать этих

бродяг в ту ночь так и не появилась: то ли потеряла она своих питомцев, то ли испугалась поселкового шума и яркого света. А детеныши наоборот заинтересовались всем этим и были вознаграждены игрой с людьми и лакомствами.

Вдруг за спиной что-то вспыхнуло и послышался общий возглас удивления. Обычно поселковые улочки в такое время суток пустынные, и ночные происшествия часто остаются незамеченными. Сейчас же никому не спалось, и свидетелями того, что мы увидели, оказались многие. Все задрали головы и даже про медвежат забыли.

А в небе разыгрывался настоящий парад красок, калейдоскоп изображений. Происходило редкое шатровое северное сияние, залившее полнеба с северной и северо-восточной стороны. Оно переливалось всеми цветами радуги и причудливыми рисунками, кружило над нами свой волшебный хоровод. Цвета то собирались в пучки, то рассыпались каждый по отдельности, то сплетались, то извивались причудливыми змейками. Народ побежал звать на представление природы тех, что сидели по домам. Но картина исчезла так же внезапно, как и появилась. Не всем повезло ее увидеть. А с севера продолжали надвигаться и перекачиваться через нас, истаявая в южной половине неба, обычные ленточные зелено-голубые сияния, навевая сон и скуку.

Медвежата, отделившись от людей — а бегают они довольно прытко, разберлись по поселку и всю ночь пугали одиноких прохожих. Одну бабушку повалили и стали катать ее под причитания: «Ой, мишеньки, не надо, ой, не надо!» Хорошо, что были поблизости люди, оттащили шалунов. А под утро истопница детского садика шла себе, додремывая на ходу, на работу по безлюдным закоулкам, вдруг слышит: кто-то следом идет. Оглянулась — медведь! Откуда прыть взялась, — сиганула в ближайший подъезд. Переждала, но медвежьей болезни не миновала.

Так я встречал 1977 год, первый Новый год своей младшей дочери, мирно спавшей той ночью в своей колыбели. Они, мои девочки, тот Новый год, как и многие праздники в своей жизни, встречали без папы.

Крайний Север запомнился не только прекрасными людьми, северным сиянием, белыми медведями и штормовой погодой. Незгладимое впечатление осталось от полярной ночи и такого же продолжительного дня. Сами они как-то не очень тяготили, а вот граница между ними, особенно первое появление солнышка после его полного двухмесячного отсутствия — это незабываемое чувство, вдохновляющее и взбадривающее после долгого полусонного состояния. Первое солнце в середине января вдруг брызгало своими лучами, буквально ослепляя. И было-то видно всего полдиска, но до чего же он был огромен! Сразу как бы воздух становился чище, дышать — легче.

ВИКТОР ГРИНИМАЕР,
майор запаса.